

© 1998 г. Ст. МЕРЛЬ*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Ожидания и реальность

**"От каждого – по способностям,
каждому – по потребностям"?**

Советская Россия была первой страной, предпринявшей попытку построить общество и экономику в соответствии с целями коммунизма. Правда, Карл Маркс и Фридрих Энгельс не говорили конкретно о будущем экономическом и общественном строе. Тем не менее в их критике капиталистической экономической системы можно увидеть четкую направленность. Для осуществления своего подлинного предназначения человек должен быть освобожден от поработощающего диктата "посторонних сил": не человек должен быть подчинен обстоятельствам, а обстоятельства – человеку. Для этого отмена частной собственности и, тем самым, эксплуатации человека человеком казалась столь же необходимой, как и его освобождение от крайней нужды, под которой Маркс понимал также зависимость от власти денег. Только знание законов экономики должно было обеспечить условия для самореализации человека¹.

Основными чертами будущего строя назывались, в частности, организация распорядка дня в соответствии с потребностями, ликвидация противоположностей и стирание граней между физическим и умственным трудом, а также между городом и деревней. Распределение предстояло осуществлять сначала по принципу: "Каждому – по труду", а затем, на завершающей стадии коммунизма, по принципу: "От каждого – по способностям, каждому – по потребностям"². Будущая экономика мыслилась как хозяйство, которое должно было обходиться без денег и иметь в изобилии все продукты. Так как основным принципом коммунистического хозяйства являлось не получение прибавочной стоимости, а создание потребительских стоимостей, при этом экономическом строе должны были действовать и другие экономические законы. Нужно было преодолеть такие предположительно непродуктивные элементы капиталистической системы, как конкуренция ("анархия рынка") и торговля, и построить базирующийся на плановом управлении экономический строй с более высокой рентабельностью. Наивысшая экономическая производительность должна была обеспечить решительное улучшение качества жизни.

Многие из этих положений звучат противоречиво и утопично. Они основываются на убеждении, что строительство коммунизма может начаться только в экономически развитой стране, когда возможности развития капитализма будут исчерпаны. Однако произошло так, что первый опыт подобного строительства был предпринят в отсталой аграрно-индустриальной стране. Тем не менее несовпадение советской действительности с продекларированными принципами построения коммунистического общества объяснялось не только отсталостью России, но и изъянами в самих принципах. Классовая борьба с подавлением инакомыслящих, а не самоопределение человека, материальная нужда, а не изобилие характеризуют советское общество в период до 1950-х гг. Вся экономика была национализирована, и создан такой аппарат руководства и управления, на который насаивались командные структуры партии и репрессивные органы тайной полиции. Но все эти меры не смогли отменить законы рынка. Скорее они стали еще более неконтролируемыми из-за их подавления и несоблюдения.

* Мерль Стефан, профессор факультета истории и философии университета г. Билефельд (Германия).
Перевод Е.И. Мирославской.

Рассмотрим основные этапы развития экономики царской России с конца XIX в., а затем и Советского Союза, кратко остановившись на главных чертах экономической системы, а также стратегии укрепления власти и вытекающих отсюда последствиях для динамики уровня жизни и социальной дифференциации общества. При этом уровень жизни мы будем определять прежде всего по реальным доходам и потреблению продуктов питания. Затем подробнее будут рассмотрены материальные и нематериальные компоненты уровня жизни в 1970-х и 1980-х гг. Региональные различия учитываются здесь только попутно, так как ход событий во всех регионах был более или менее сходным.

Россия перед Первой мировой войной

В конце XIX в. Россия еще была аграрно-индустриальной страной, в которой большая часть населения добывала средства существования первичным сельскохозяйственным производством и крестьянскими промыслами. Первая фаза быстрого роста ее экономики началась только в середине 1880-х гг. и была связана с предпринятым по инициативе государства строительством железных дорог, которое являлось попыткой устранить препятствия для развития инфраструктуры, вызванные большими размерами территории страны. Для России характерна была исключительная роль государства в промышленном подъеме страны в условиях проведения политики принудительной экономии путем преимущественного налогообложения предметов потребления. После голода 1891–1892 гг. появился тезис о "голодном экспорте" хлеба. Но действительно ли эта экономическая политика вела к обеднению широких слоев населения? Долгое время считалось, что отсталость аграрного сектора была решающим, и, по мнению Ю. Нетцольда, непреодолимым препятствием на пути индустриализации России. Он полагал, что аграрный сектор был не в состоянии в достаточной мере обеспечивать продуктами питания население, прирост которого между 1900 и 1914 гг. отличался исключительно высокими темпами – 2% в год³. Действительно, прирост населения представлял большую проблему для роста уровня жизни, поскольку только для его поддержания требовалось ежегодное увеличение производства на 2%. Отсталость России и, как следствие, бедность населения видны из размера национального дохода на душу населения, который в 1913 г. составлял около трети немецкого и одну восьмую американского⁴.

Однако преобладавшая долгое время пессимистическая оценка состояния русской экономики до 1914 г. в последнее время все чаще ставится под сомнение. Прежде всего перерасчет русского национального дохода между 1885 и 1913 гг., выполненный П. Грегори, показывает неожиданно сильный прирост личного потребления как на селе, так и в городах⁵. Эта картина растущего уровня жизни во время обеих фаз подъема между 1883 и 1900 гг., а также после 1907 г., с коротким перерывом на период стагнации во время экономического кризиса на рубеже XIX–XX в. вступает в явное противоречие с прежними представлениями. Но картина эта подтверждается скорректированными данными о положении с продуктами питания. Так, мнение о "голодном экспорте" основывается на неправильной интерпретации статистики. Из того факта, что Россия производила меньше зерна на душу населения, чем Европа, делался вывод, что в этом случае в России и потребление на душу должно было быть меньше. Но это отнюдь не так. Объемы потребления зерна в империи превосходили западноевропейские, и питание населения России должно рассматриваться как удовлетворительное. Высокая потребность Западной Европы в зерне свидетельствовала об улучшенной структуре питания, т.е. росте потребления мяса, молока и масла, в то время как в России потребление продуктов животноводства было низким, и продукты растениеводства потреблялись непосредственно людьми. Поэтому экспорт зерна не сказывался на уровне питания населения. Объем аграрного производства рос быстрее, чем население. Использовались возможности экстенсивного расширения пахотных площадей на юго-востоке, а затем и в Сибири. В 1870-е гг. начался медленный, но непрерывный рост урожайности в расчете на гектар пашни примерно на 1% в год, так что в 1914 г. урожайность превышала уровень 1870 г. на 30–40%. Хотя прирост валовой продукции зерна примерно соответствовал только приросту населения, объем чистой потребительской продукции, определяющей ситуацию с питанием, рос намного быстрее. Если к 1860 г. еще около 30% собранного зерна использовалось на семена, то в 1914 г. – только 20%. Одновременно расширялось выращивание картофеля⁶.

Уровень жизни на селе был значительно ниже, чем в городе. Об этом свидетельствует более высокая доля мясных продуктов в продовольственной корзине горожан, а также

значительно большее потребление ими изделий промышленного производства. Поэтому налоги на потребление в абсолютных цифрах намного больше затрагивали городское население (16% всего населения страны), которое уплачивало более половины косвенных налогов. От относительного общего благосостояния городов выигрывали и низшие слои городского населения, которые получали возможность трудоустройства и заработка. При этом фазы роста реального заработка были тесно связаны с обоями периодами ускоренного экономического развития. Так, реальный заработок рабочих рос в 1890-х гг. и затем снова после 1907 г., тогда как во время падения конъюнктуры между 1900 и 1907 гг. он, напротив, снизился. В этом отношении ничего не смогла изменить и волна забастовок в период революции 1905 г. Достигнутое повышение номинального заработка было сведено на нет ускоренным повышением цен. Повышение реального заработка во время экономического подъема также было результатом успехов забастовочного движения рабочих, которые, в связи с нехваткой квалифицированных рабочих, могли занимать твердую позицию во время переговоров с предпринимателем. Региональные различия в уровне номинальных зарплат отчасти выравнивались благодаря диверсификации стоимости жизни. Так, цены, в особенности на продукты питания, в провинции были ниже, чем в Москве или Петербурге, где они зависели от поставок продовольствия из отдаленных районов.

Социальная пирамида России до 1914 г. включала малочисленный верхний и средний слои населения, концентрировавшиеся почти исключительно в городах, при этом преимущественно в крупных. Поляризация богатства и бедности была выражена очень четко. На фоне большой массы бедняков выделялось несколько тысяч очень состоятельных дворянских, чиновничьих, предпринимательских и купеческих семей. По сравнению с Западной Европой, доля богатых в общей массе населения была весьма мала. Правда, различия в уровне доходов были четко выражены не только между социальными слоями, но и внутри них. Так, некоторые дворяне по своему образу жизни едва ли отличались от крестьян. Сравнительно однородной была группа предпринимателей и купцов, к которой вместе с членами семей можно отнести, как и у дворян, около 1% населения страны. Кроме того, в 1914 г. в России было около 1 млн образованных, но не обеспеченных материально людей, работавших в частных фирмах, на государственной службе, в органах городского и земского самоуправления, в крупных латифундиях.

Часть хозяйственно самостоятельного среднего слоя населения, занятая в торговле, мелкой промышленности, ремесленных предприятиях и на транспорте, была далека не такой многочисленной, как в Западной Европе, и жила преимущественно в условиях относительно низкой обеспеченности. К рабочим, в самом широком смысле, в 1914 г. можно отнести около 18 млн человек, причем сюда включены и сезонные сельскохозяйственные и строительные рабочие, и лица, занятые в мелкой промышленности. На селе безземельный пролетариат почти отсутствовал. Право распоряжаться землей принадлежало общинам, и подавляющая часть земельных владений не находилась в собственности отдельных крестьян. Основной единицей на селе был не двор, как в Западной Европе, а семья. Каждая семья наделялась землей по уравнительным принципам, в большинстве случаев – по числу мужских душ, и социальная дифференциация в деревне была выражена относительно слабо. Только в производящей зерно на экспорт черноземной зоне можно было наблюдать возникновение капиталистически ориентированных сельскохозяйственных предприятий.

Хотя до 1914 г., без сомнения, население России было крайне бедным, но тенденция к его абсолютному обеднению не прослеживается. Несмотря на быстрый рост населения, уровень жизни в целом медленно повышался. Таким образом, экономический рост и повышение уровня жизни были связаны друг с другом по западно-европейской модели, хотя и действовал ряд факторов, ограничивавших покупательную способность населения.

Военное хозяйство и революция (1914–1921 гг.)

Одной из причин падения царского режима стала его неспособность обеспечить во время Первой мировой войны бесперебойное снабжение продовольствием обе столицы. Вздоржание продуктов затрагивало прежде всего рабочих, занятых в легкой промышленности и производстве потребительских товаров, преимущественно женщин. В отличие от рабочих оборонных предприятий, они не смогли в начале войны добиться существенного повышения своего реального заработка. Однако дороговизна не слишком затронула сельскую мест-

ность. Поэтому социальные волнения военного времени были сконцентрированы в основном в столицах, а Февральская революция возникла из голодного бунта, начатого женщинами⁷. Заметим, что революция разразилась после того, как производство военной продукции осенью 1916 г. превысило свой максимум. Но общий экономический спад не смог предотвратить ни Временное правительство, ни позднее большевики, и он явился главной причиной обнищания населения. Из-за Гражданской войны и временной утраты контроля центрального правительства над важными сырьевыми и аграрными областями этот спад еще более усилился. К 1921 г. промышленное производство снизилось на 20%, сельскохозяйственное – примерно на 70% от довоенного уровня. В итоге революция 1917 г. не стала, к сожалению, поворотным пунктом к повышению уровня жизни трудящихся.

К концу 1918 г. экономическая система России коренным образом изменилась в связи с масштабной национализацией промышленности, торговли и банков, а также экспроприацией крупной земельной собственности и иностранного капитала. Вся экономика страны была подчинена государственному управлению, которое основывалось на организационных принципах военного хозяйства. Сельскохозяйственные продукты больше не покупались государством рыночным путем: по системе продразверстки крестьянам надлежало сдавать излишки продуктов государству, но в действительности сельскохозяйственная продукция, необходимая для снабжения городского населения и армии, насильственно отбиралась у них с применением оружия. Примерно треть населения была объединена для снабжения продуктами питания в "потребительские коммуны". Из-за неконтролируемой инфляции деньги потеряли свое значение. Большевики внезапно увидели в этом признаки коммунистического экономического строя, к которому они стремились: преодоление анархии рынка, переход к основанному на продуктообмене натуральному хозяйству без денег, плановая организация экономики и всего общества. В 1919 и 1920 гг. были сознательно предприняты шаги для ускорения перехода к "пролетарскому натуральному хозяйству". Теперь мелкая промышленность и сельскохозяйственное производство также были непосредственно подчинены государственному экономическому управлению из единого центра. В 1920 г. единоличные крестьяне должны были принудительно сдать свои запасы семян государству для образования местных семенных фондов. Для них были установлены жесткие нормы по производству и сдаче семян. Распределение осуществлялось по уравнильным принципам в соответствии с лозунгом "Кто не работает, тот не ест"⁸. В 1920 г. был разработан Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО), предусматривавший восстановление экономики в течение десяти лет на основе самой современной техники.

Но экономические принципы "военного коммунизма" оказались совершенно не пригодными для удовлетворения самых элементарных потребностей населения. Государственная политика реквизиций лишала крестьян стимула для производства излишков сельскохозяйственной продукции. Выделяемых государством продуктов питания не хватало для выживания даже снабжаемых в первую очередь категорий рабочих. Обеспечиваемая государством группа населения вынуждена была покупать на черном рынке более половины необходимых продуктов питания. Из-за недостатка продовольствия и топлива началась массовая миграция населения из городов в деревню. Таким образом, государственное натуральное хозяйство на практике оказалось фикцией. Желаемое явно не совпадало с действительностью. Попытка преодолеть рынок в конце концов превратила массу людей в мелких торговцев, которые на черных рынках обменивали произведенные, полученные в качестве натуральной платы или украденные товары на продукты первой необходимости⁹.

Раздача земли, расценивавшаяся большевиками как благодеяние по отношению к крестьянам, также привела в лучшем случае к их нивелированию на самом низком уровне существования, а не к всеобщему подъему крестьянских хозяйств до уровня "середняков". Получив землю, крестьяне не располагали средствами производства, требуемыми для ее обработки. Более трети хозяйств не имели ни плуга, ни тяглового скота. Решающим фактором обнищания крестьян явилось почти полное исчезновение несельскохозяйственных промыслов и сезонных заработков. Кроме того, в результате реквизиций у крестьян изымались не только излишки, но и необходимые для выживания запасы. Продолжение этой политики после окончания Гражданской войны стало причиной крестьянских восстаний прежде всего в степных областях, где экономическое положение было особенно тяжелым. Люди были доведены до отчаяния угрозой голодной смерти. Разразившийся в 1921 г. голод унес жизни многих миллионов людей.

Первая попытка большевиков отказаться от рыночных отношений и перейти к экономике, руководимой государством во всех отраслях, привела к истощению страны. Экономическая инициатива была парализована. Большевики отреагировали только тогда, когда крестьянские восстания поставили под вопрос сохранение их власти. В марте 1921 г. последовал коренной поворот экономической политики. Прозрачность была заменена продовольственным налогом, и крестьяне теперь могли точно определить свои обязательства по отношению к государству.

Новая экономическая политика (1921–1929 гг.)

Новая экономическая политика (нэп) возродила интерес крестьян к хозяйственной деятельности. Излишки продуктов снова могли легально продаваться на рынках, что сразу возымело свое действие. Уже в 1922 г. снабжение продовольствием улучшилось, а с конца 1923 г. даже удалось возобновить экспорт зерна. Правда промышленность, за исключением некоторых мелких предприятий, оставалась государственной, но она, по крайней мере в начальной фазе нэпа, была подчинена принципу рентабельности, который вынуждал, как и в секторе государственного управления, избавляться от лишней рабочей силы. Рыночные отношения в сельском хозяйстве потребовали борьбы с инфляцией, которая успешно закончилась в 1924 г. проведением денежной реформы. Государство сохранило в своих руках все решающие экономические рычаги. Его доминирующее положение в производстве и торговле позволило с помощью ценовой и налоговой политики, а также законодательным путем оказывать влияние и на негосударственные отрасли хозяйства. В период нэпа сохранялось стремление перейти к плановому управлению экономикой и обществом. При этом проявились имевшие решающее значение для дальнейшего становления планового хозяйства разногласия между "генетиками" и "телеологами". В то время как "генетики" делали упор на обнаружение неуправляемых экономических тенденций и призывали к приведению планов в соответствии с ними, "телеологи", поддерживаемые группой Сталина, считали, что государство не подчиняется экономическим законам, а управляет ими. Данное волюнтаристское воззрение утвердилось в конце 1920-х гг., и плановые задания с того времени превратились в приказы и требования, необоснованно нарушавшие границы объективно возможного. Тем самым, как выразился М. Левин, начало планового хозяйства на рубеже 1920–1930-х гг. одновременно представляло собой конец планирования¹⁰. Поэтому в дальнейшем речь пойдет о государственной командной экономике.

После хозяйственной разрухи, вызванной Первой мировой и Гражданской войнами, первоочередная цель правительства состояла в том, чтобы достичь довоенных объемов сельскохозяйственного и промышленного производства. В отдельных отраслях экономики это удалось сделать быстрее, чем ожидалось, – в период между 1925 и 1928 гг. Потребление продовольствия на душу населения уже в 1925 г. как на селе, так и в городах соответствовало довоенному уровню. В дальнейшем прослеживается тенденция качественного улучшения питания благодаря росту потребления продуктов животноводства и птицеводства при одновременном сокращении потребления картофеля и зерновых. Так как в 1920-х гг. восстановился ежегодный прирост населения на 2%, то увеличился спрос на продукты питания на внутреннем рынке, что противоречило стремлению государства экспортировать аграрную продукцию.

Привилегированное положение рабочих по сравнению с другими группами населения, выражавшееся, в частности, и в подъеме уровня жизни, приобрело теперь функцию легитимации и стабилизации власти. Реальный заработок рабочих уже в 1925 г. достиг довоенного уровня и продолжал расти. К крестьянам же правительство относилось с недоверием. Они считались потенциальными контрреволюционерами, потому что их "мелко-товарный" способ производства, как сформулировал Ленин, "ежедневно и ежечасно в массовом масштабе рождает капитализм". В это время были заложены основы системы государственного социального страхования рабочих. В 1920-е гг. страхование по болезни и родам с полным возмещением заработной платы, бесплатным медицинским обслуживанием и освобождением матерей от работы в течение 8 недель до и после родов на практике опережало соответствующее законодательство в Западной Европе. Менее значительными выглядели итоги социального обеспечения по безработице, хотя не только число занятых рабочих и служащих, но и число безработных быстро росло, и в городах было зарегистрировано около 2 млн человек, не имевших постоянной работы. Право на пособие по безработице получали только лица, до этого уже работавшие и не имевшие

других средств к существованию. Выплаты при длительной нетрудоспособности зависели от стажа работы. Первоначально они предоставлялись только инвалидам, к которым относились и нетрудоспособные по возрасту. Взносы в фонд социального страхования должны были полностью выплачивать предприятия.

Начавшееся в середине 1920-х гг. приоритетное развитие тяжелой промышленности породило инфляционный процесс, потому что увеличение заработной платы не сопровождалось непосредственным ростом производства товаров. Государственное регулирование рынка обострило несоответствие между фондом заработной платы и предложением товаров после административного решения о снижении цен в розничной торговле. Решить проблему избыточной покупательной способности можно было бы повысив цены, однако подобные попытки не предпринимались. Так как одновременно запрещалось ограничивать рост заработной платы, на рынке наступило несоответствие между спросом и предложением. Спрос на потребительские товары оставался неудовлетворенным, потому что лишь немногие товары предлагались по низким твердым ценам. Высокая покупательная способность горожан оказывала влияние и на рынок сельхозпродуктов. Крестьяне на городских рынках могли продать продукты животноводства по выгодным ценам, и поэтому снизилась их заинтересованность в продаже зерна или технических культур по ценам, установленным государством. Неспособность государства понять угрозу индустриализации, порожденную избытком покупательной способности населения, обусловила проблемы на аграрном рынке в конце 1920-х гг.¹¹

По сравнению с довоенным периодом общество существенно изменилось. Состоятельные в прошлом группы населения, если они не эмигрировали и не погибли, превратились в неимущих. Поместья и фабрики были экспропрированы, а денежные капиталы их владельцев обесценились в результате инфляции. Частная собственность на средства производства сохранилась только в сфере сельского хозяйства и мелкого производства. Жить на доходы с капитала стало невозможно. Только лица, принадлежавшие к образованному слою, в основном сохранили свои ведущие позиции. Большевики нуждались в их знаниях и после уравнилельных тенденций "военного коммунизма" стали высоко ценить работу "буржуазных спецов". Специалисты и руководящие работники получали теперь значительно более высокую зарплату. Новым элементом элиты стали партийные функционеры, занимавшие достаточно важные посты. Вступление в коммунистическую партию постепенно становилось решающей предпосылкой для карьеры. При назначении на руководящие должности партия отдавала предпочтение индустриальным рабочим. Наряду с повышенной оплатой труда появились нематериальные привилегии для руководящих работников. Доступ в специальные санатории и первоочередное снабжение товарами не только приносили дополнительные доходы, но и делали жизнь более комфортной¹². Наряду с новой номенклатурой в период нэпа сложился небольшой слой, обязанный своим социальным возвышением способности к предпринимательской деятельности. Сюда входили "нэпманы" в городах, относительное благосостояние которых, как правило, было достигнуто за счет торговли, и некоторые крестьяне, последовавшие призыву Бухарина "обогащаться" и успешно расширявшие свое хозяйство. Правда, ни руководящая, ни хозяйственная элита времен нэпа и отдаленно не достигла уровня благосостояния элиты царской России.

Таким образом, и в период нэпа экономический рост и уровень жизни еще были тесно взаимосвязаны. В 1927 г. жизненный уровень городских рабочих был самым высоким со времени революции, в то время как доходы большинства крестьян из-за низких цен на сельхозпродукцию, особенно контрастировавших с ценами на промышленные товары, и замедленных темпов восстановления сельских промыслов продолжали отставать от довоенных.

Форсированная индустриализация при Сталине (1929–1953 гг.)

Отход от нэпа оказался решающим фактором падения жизненного уровня населения СССР. В течение четырех лет, с 1928 по 1932 гг., реальный заработок снизился более чем в 2 раза¹³. Правда, в последующие годы наблюдалось некоторое его повышение, но достигнутый к 1928 г. уровень потребления был превзойден только после смерти Сталина. Неизбежно ли было ухудшение жизни народа для построения светлого будущего? Едва ли речь шла в данном случае о сознательно выбранной большевиками стратегии роста.

Пятилетний план предусматривал повышение жизненного уровня, и Х. Хантер подсчитал, что действительно достигнутый рост экономики ни в коем случае не был сопряжен с необходимостью сокращения потребления¹⁴.

Падение уровня жизни следует объяснять в первую очередь уничтожением сельскохозяйственных производственных ресурсов в ходе принудительной коллективизации и почти полной ликвидацией сельских промыслов и мелкой промышленности. В результате непомерного вывоза зерна из деревни были уничтожены половина тяглового скота и почти половина поголовья остального стада, что сказалось на снабжении населения молоком и мясом. Потребление продуктов животноводства на душу населения катастрофически снизилось. Острый недостаток продовольствия вынудил население тратить все свободные средства на покупку необходимых для выживания продуктов питания. В результате упал спрос и на промышленные товары. Падение жизненного уровня затронуло и крестьян, причем в деревне положение было еще тяжелее, чем в городе. Проведенное крайне жестокими мерами чрезмерное изъятие зерна в южных зерновых областях послужило причиной голода, жертвами которого стали около 6 млн человек. Голодающим, которых при заготовках зерна клеймили как "саботажников", не оказывалось никакой помощи¹⁵.

Снижение реального заработка не ощущалось населением в полной мере, потому что одновременно квалифицированные рабочие переживали социальный подъем. Доходы семьи не уменьшались кардинально еще и потому, что женщины тоже вынуждены были пойти работать. Кроме того, миллионы переселившихся в город из деревни не знали лучших условий жизни. В поисках более высоких заработков многие рабочие переходили с предприятия на предприятие. Однако вскоре этой свободы не стало, и "борьба с летунами" стала элементом стратегии индустриализации. В первой половине 1930-х гг. ВКП(б) проводила целенаправленные мероприятия по уменьшению покупательной способности и принудительной экономии, которые затрагивали в первую очередь рабочих. При этом вряд ли можно говорить об их особой дискриминации, так как доходы колхозников были столь низки, что у них нечего было взять, кроме обязательных поставок аграрной продукции в форме натурального налога. С 1930 г. началось принудительное размещение государственных займов индустриализации, причем с рабочих и служащих удерживалось ежегодно более месячного заработка. Потребительские промышленные товары были обложены "налогом с оборота", который нередко превышал половину продажной цены и в 1930-х гг. давал около двух третей всех поступлений в государственный бюджет.

Отмена нормирования продуктов питания в середине 1930-х гг. довела до совершенства систему снижения покупательной способности населения. В результате введения новых государственных цен, уровень которых только немного уступал ценам на рынке, на несколько лет удалось почти полностью устранить избыток покупательной способности и давление спроса на промышленные потребительские товары. С началом первой пятилетки окончательно утвердилось телеологическое понимание планирования, и был совершен переход к государственному командному хозяйствованию. Одновременно произошел возврат к принципам организации экономики, разработанным в период "военного коммунизма". Вновь встал вопрос об отмене денег, устранении анархии рынка и установлении контроля над всеми общественными и экономическими процессами. Но и эта попытка кончилась неудачей. Только более прагматичный подход, который стал преобладать между 1931 и 1933 гг. и снова оттеснил на задний план идеологические компоненты, создал настоящие предпосылки советской командно-административной хозяйственной системы.

При Сталине в социальной структуре советского общества на нижней ступени стояли многие миллионы заключенных в лагерях и ссыльных (кулаки, депортированные народы и др.). Колхозники едва ли отличались от занятых принудительным трудом после того, как в 1932 г. путем невиданной паспортов им было запрещено легально покидать колхозы и они должны были бесплатно трудиться на государство, которое распоряжалось колхозной продукцией. Только небольшая часть зерна распределялась между колхозниками в качестве единственной формы оплаты. Остальные продукты питания они получали со своих приусадебных участков, сдавая при этом часть картофеля, молока и мяса государству. Это была своего рода контрибуция на нужды индустриализации¹⁶. Горожане по сравнению с колхозниками находились почти в привилегированном положении. Свобода их передвижения до начала Второй мировой войны почти не ограничивалась. Лишь с 1939 г. уход с рабочего места без разрешения стал считаться преступлением, которое каралось принудительными работами.

В целом по отношению к массе населения место социальной политики в качестве функционального эквивалента заняли репрессивные меры¹⁷. В период социального пере-

лома, сравнимого только с ранней индустриализацией в Западной Европе, нельзя было ожидать сопротивления снижению отчислений на социальные нужды. Квалифицированные рабочие смешивались с новичками из деревни, текучесть кадров на предприятиях была высокой, а профсоюзы служили только государственным целям. Отмена пособий по безработице в 1930 г. создавала впечатление, что с ней вроде бы покончено, хотя на деле она продолжала существовать. Для борьбы с текучестью кадров социальные выплаты были поставлены в зависимость от минимального стажа и продолжительности работы на данном предприятии. В целом же их размер зависел от профессии и квалификации, причем квалифицированные рабочие получали значительно больше, чем неквалифицированные. Введенная в конце 1920-х гг. наряду с пенсией по инвалидности пенсия по старости при обязательном трудовом стаже от 20 до 25 лет поначалу не имела значения.

Развал государственного снабжения продовольствием как результат коллективизации заставил и несельскохозяйственные группы населения перейти к частичному самоснабжению продуктами питания. Многие живущие на селе рабочие и служащие, как и члены колхозов, получали небольшой участок земли для самостоятельного возделывания зерновых культур. В середине 1930-х гг. миллионы городских рабочих также получили бесплатно участки земли под огород. На этих участках разрешалось строить дома-дачи. В конце 1930-х гг. около 10 млн. семей, не занятых в сельском хозяйстве, включая живущих на селе рабочих и служащих, имели свой участок земли. Рабочие и служащие к началу 1941 г. держали около 400 тыс. лошадей, 3,5 млн. коров, 2,7 млн. свиней и 4,8 млн. овец и коз¹⁸. В значительной мере благодаря этому во время Второй мировой войны не произошла новая катастрофа со снабжением, а в последующие десятилетия удавалось смягчить недостатки снабжения через систему государственной торговли.

Почему же в течение более четверти века властям удавалось так ограничивать потребление населения, хотя промышленное производство выросло за это время примерно в 10 раз? Один только беспощадный террор, подавлявший в зародыше любой возникающий протест, или готовность трудящихся к жертвам ради лучшего будущего вряд ли могут служить здесь достаточным объяснением. Скорее причина кроется в значительной социальной мобильности и возможности интеграции части населения в данную экономическую систему.

С проведением форсированной индустриализации и развитием командно-административной системы создавалось много новых руководящих постов всех уровней, так что для квалифицированных рабочих, членов партии и выпускников институтов и университетов открывались хорошие возможности для продвижения по службе. Заработная плата снова стала более дифференцированной: работа на начальственной должности оплачивалась намного выше среднего уровня, в то время как зарплата рабочих и служащих в легкой промышленности и в совхозах оказалась в самом низу шкалы доходов. В 1930-е гг. правительство стало предоставлять привилегии простым рабочим, которые добивались наилучших показателей в труде. Так создавался миф о том, что каждый, кто приложит максимум усилий, сможет добиться успеха. Достигнутый героями труда уровень жизни был важной составной частью советской пропаганды, в то время как привилегии партийных функционеров не афишировались. Рабочим давали в виде премии швейные машинки, велосипеды, одежду, а также квартиры. Большую роль играли теперь и закрытые магазины для определенных социальных групп.

Характерно также, что аресты руководящих работников как "врагов народа" служили для советской системы своеобразным громоотводом, так как это позволяло возложить на них вину за ее недостатки. Место арестованных занимали новые выдвиженцы, которые еще прочнее усваивали нормы системы и служили ей не за страх, а за совесть.

В целях создания благостной картины всенародного достатка Сталин не останавливался и перед подтасовками в статистике. Так, по его указанию, с 1933 г. производство зерна статистически фиксировалось не как собранный урожай в хранилищах, а как зерно на корню без вычета потерь при уборке, достигавших 30%. За годы сталинского правления не было создано условий для удовлетворения потребностей населения в потребительских товарах, за исключением небольшой группы привилегированных.

При восстановлении народного хозяйства страны после опустошительной Второй мировой войны, в том числе и на аннексированных территориях, советское руководство следовало модели, разработанной в начале 1930-х гг., и снова делало ставку на политику сдерживания потребления и террор. Победоносное окончание Отечественной войны оценивалось как подтверждение успехов командной экономики и личный триумф Сталина, который защитой русской земли окончательно укрепил свою славу "добраго царя".

Реформы с целью повышения эффективности экономики после прихода к власти Хрущева

После смерти Сталина, после четверти века стагнации практически все показатели уровня жизни, начиная с потребления продуктов питания на душу населения, обеспеченности жилой площадью и кончая предполагаемой продолжительностью жизни, начали стабильно повышаться. В семьях появились потребительские товары длительного пользования, о которых большинство советских граждан до 1953 г. не могло даже мечтать. Налицо был очевидный перелом.

Ни один из потенциальных преемников Сталина не собирался продолжать политику террора и сдерживания потребления. Это объяснялось в первую очередь соображениями борьбы за власть. С давних времен в России после смерти царя власть должна была как бы легитимироваться заново. Поэтому наследники Сталина стремились завоевать популярность прежде всего за счет повышения уровня жизни населения. В то время как Маленков и Берия делали упор на производство промышленных потребительских товаров, Хрущев выдвинул в качестве первоочередной задачи КПСС обеспечение населения продовольствием и жильем.

Народное хозяйство при Сталине достигло безусловных успехов в форсированном развитии тяжелой и оборонной промышленности. Затраты при этом не играли роли, а рост производства достигался любой ценой. В 1950-е гг. началась дискуссия о более эффективной организации управления для достижения не только количественных, но и качественных показателей производства. Ее итогом явилась реформа 1965 г., которая не предусматривала принципиального изменения системы, но была призвана задержать падение темпов роста экономики и обеспечить переход к ее интенсификации на основе технического прогресса. На передний план выдвинулся результат хозяйственной деятельности, обозначаемый как "прибыль". Сфера самостоятельности предприятий расширилась, но решения по всем важным вопросам по-прежнему принимались централизованно, и административный контроль скорее усилился, чем ослабел.

При Сталине цены не обладали регулирующей функцией и для основного сырья и материалов держались на произвольно низком уровне. С началом экономической реформы последовало радикальное преобладание цен, которые должны были теперь отражать производственные затраты. Правда при этом сохранялся механизм административного ценообразования, так что предприятия могли оказывать влияние на калькуляцию своих расходов. К тому же выравнивание цен по средним производственным затратам препятствовало их реальному давлению на снижение последних. Они также не играли роли индикатора дефицита. И после реформы советское предприятие из-за отсутствия конкуренции сохраняло свое монопольное положение и ориентировалось только на план, а не на потребителя. Получит ли предприятие "мягкий", т.е. легко выполняемый, или "жесткий" план, в значительной мере зависело от ловкости его руководителя. Так как "доход" оставался фиктивной величиной, которой манипулировали сами предприятия, фактически поощрялись страх перед риском и нехозяйский образ действий руководителей производства.

В основе проводимой после смерти Сталина политики улучшения условий жизни населения лежал трезвый расчет. Ведь переход от экстенсивного к интенсивному росту можно было обеспечить только повысив материальную заинтересованность в труде. Более высокой оплатой труда КПСС надеялась достичь качественно новой его производительности. Этот подход служил предпосылкой для более полного удовлетворения потребностей населения. Зависимость оплаты труда от "дохода" предприятия должна была способствовать материальной заинтересованности трудящихся в высоких производственных достижениях. Но в реальности эта взаимосвязь не работала, так как самые высокие заработки были не там, где удалось добиться наивысшей производительности труда и самой низкой себестоимости, а там, где руководители могли выторговать себе "мягкий" план и затем его перевыполнять. Предприятия же, которые действительно исчерпывали все возможности для роста производства и рентабельности, из-за существовавшей системы расчетов просто наказывались.

В середине 1950-х гг. социальное обеспечение и повышение уровня жизни выдвинулись на передний план как решающий фактор легитимации системы. Хрущев снова напомнил о коммунизме как обществе изобилия и резко критиковал политику Сталина. Он выдвинул лозунг "Догнать и перегнать США!" именно в сфере потребления. В конце 1950-х гг. были опубликованы "научно обоснованные" нормы потребления продуктов питания и

промышленных товаров, впервые ясно очертившие меру удовлетворения потребностей, к которой следовало стремиться¹⁹. При этом по продуктам питания предусмотренные нормы ориентировались на США и могут рассматриваться как очень высокие, однако намеченный уровень потребления продуктов животноводства на душу населения так и не был достигнут. Некоторые же нормы на товары потребления длительного пользования позднее были несколько повышены, поскольку они явно не соответствовали изменившимся потребностям населения. Так, первоначально не было предусмотрено индивидуальное владение легковыми автомобилями, поскольку Хрущев решительно высказался против этого. Стиральными машинами должны были совместно пользоваться сразу несколько семей. Но в остальном намеченные нормы принципиально не отличались от западных моделей потребления. Глубокая пропасть разделяла определенные государством нормы и реальные потребности населения на селе. С созданием агрогородов здесь намечалось построить дома городского типа, но колхозники отказывались покидать свои старые деревянные жилища, в которых не было ни водопровода, ни других удобств, так как с переездом в многоквартирный дом им пришлось бы расстаться с приусадебным участком и коровой, обеспечивавшей семью молоком.

Провозглашалось, что основные потребности человека должны постепенно удовлетворяться, вне зависимости от качества и количества выполненной работы, бесплатно или по значительно сниженным ценам. Величина этих дотаций из "общественных фондов потребления" должна была возрастать опережающими по сравнению с заработной платой темпами и превзойти ее уже через два десятилетия. Бесплатное образование было отступлением от линии Сталина: как известно, в конце 1930-х гг. за учебу в вузах была введена плата, так как "благополучие населения уже значительно выросло". Теперь для покрытия затрат на бесплатное образование и медицинское обслуживание должны были пользоваться быстро растущие расходные статьи государственного бюджета. С 1960-х гг. прием в вузы был увеличен, образовательные барьеры между союзными республиками сняты, однако на селе школьное дело и здравоохранение по-прежнему были поставлены значительно хуже, чем в городе.

В рамках системы твердых минимальных цен на товары первой необходимости и услуги большое значение придавалось субсидированной плате за жилье. Низкая квартплата взималась не только с жильцов сталинских коммуналок, но и с хозяев отдельных квартир, строительство которых в широких масштабах началось с 1957 г. За пользование общественным транспортом в городах взималась скорее символическая плата. Междугородные путешествия в автобусах, поездах и самолетах также были крайне недорогими. Среди продуктов питания по особенно низким ценам продавались хлеб, капуста и картофель. На продукты животноводства были введены твердые цены, хотя расходы на их производство росли. Дотиrowались государством расходы на дошкольные учреждения, питание в столовых и пребывание в домах отдыха.

Совершенно новым было введение минимальных заработков и минимальных пенсий, а также начавшееся повышение оплаты труда колхозников. С включением колхозников в систему государственного социального страхования их дискриминация была полностью ликвидирована. Каждый советский человек должен был иметь возможность удовлетворять хотя бы основные потребности за счет своей зарплаты или пенсии, и, поскольку потребительские цены удерживались на низком уровне, цель эта достигалась даже при невысоких минимальных заработках и пенсиях. Однако при росте заработков покупательная способность рубля в условиях дотационной системы очень быстро снижалась, как только человек выходил за рамки основных потребностей. При более высокой производительности труда и соответственно более высокой оплате достигалось только относительное благополучие. Соответственно ничтожным был и обусловленный этим стимул к труду.

Несмотря на усиление в 1960-х гг. нивелировочных социальных тенденций, общественное расслоение закреплялось, а ротация из нижних слоев общества в верхние явно снижалась. Так как высшее образование с 1960-х гг. больше не гарантировало высоких доходов, у детей рабочих тяга к его получению почти отсутствовала, в то время как детей служащих привлекал достигавшийся с помощью образования более высокий социальный статус²⁰. К низшему слою, наряду с колхозниками и неквалифицированными рабочими, теперь относились, в отличие от сталинской эпохи, и служащие, которым по должности не требовалось специального образования. Из этих групп вместе с пенсионерами пополнялась категория "бедных" советского общества, тративших на покупку продовольствия более

Среднемесячная денежная заработная плата¹ рабочих и служащих по отраслям хозяйства, а также доходы колхозников в 1928–1990 гг. (в %, промышленные рабочие 100%)

	1928	1932	1940	1950	1960	1970	1980	1990
Народное хозяйство в целом	83	103	102	93	90	93	91	93
Промышленность:								
рабочие	100	100	100	100	100	100	100	100
инженеры/техники	}175 ²	}194 ²	215	178	151	136	115	}116 ²
служащие			111	93	82	85	79	
Сельское хозяйство:								
рабочие	}37 ²	}68 ²	68	52	58	75	80	92
агрономы/ветеринары			156	128	128	126	100	112
инженеры/техники			–	–	–	–	–	–
служащие			96	74	73	73	68	–
Колхозники ³	–	–	37	25	31	57	65	81
Строительство	118	109	112	95	103	115	109	119
Торговля, обслуживание	93	92	77	68	66	73	75	80
Здравоохранение	76	90	79	70	66	70	68	63
Наука	–	–	145	136	117	105	97	114
Образование	80	118	102	(97) ⁴	78	83	73	64
Управление	107	140	120	100	96	94	84	114

¹ Включая премии.

² Разбивки данных не существует.

³ Включая натуральную оплату.

⁴ Включая культуру.

* Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972; А р у т ю н я н Ю.В. Социальная структура сельского хозяйства СССР. М., 1971. С. 114; Социалистическое строительство. Статистический ежегодник. М., 1934; Труд в СССР. Ежегодник. М., 1936; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991.

половины своих доходов²¹. К верхнему слою относились руководящие работники партийного, государственного и хозяйственного аппаратов, академики и члены-корреспонденты Академии наук, деятели искусств высокого ранга и другие привилегированные персоны. Средний слой, наряду с квалифицированными рабочими, состоял прежде всего из служащих, имевших специальное образование. К нему относились инженеры, техники, ученые, учителя, врачи и те, кто занимал руководящие посты среднего ранга в государственном, партийном и хозяйственном аппаратах. При этом преимущественно женские профессии врача и учителя теперь оплачивались хуже, чем труд квалифицированного рабочего (см. табл. 1).

При анализе процесса социального расслоения следует учитывать, что материальное положение зависело в первую очередь от доходов семьи и от льгот, предоставлявшихся отдельным профессиональным группам. Так, промышленные рабочие и служащие со специальным образованием, как правило, пользовались льготами первоочередного снабжения продуктами и товарами потребления через специальные магазины и столовые предприятий. По сравнению со средним слоем элита общества получала более высокие доходы, но решающее значение для нее имело предоставление квартиры, дачи, служебного автомобиля, путевок в санатории и т.п. К высшей по доходам группе относилось только полпроцента населения страны. Но их зарплата едва ли превышала среднемесячный доход в США. Даже с учетом привилегий советскую элиту, по сравнению с уровнем жизни в США, следует охарактеризовать скорее как бедную²². Данные о распределении населения по совокупному месячному доходу на человека, полученные на основе социологических опросов, подчеркивают малую дифференциацию по уровню доходов, которая при всеобщем повышении заработной платы медленно сдвигалась вверх, но без заметной поляризации в

маргинальных группах. Региональная дифференциация доходов по союзным республикам может быть в значительной степени репрезентативной для различий в реальных доходах, хотя стоимость жизни была не везде одинаковой, что соответствовало различной экономической мощности республик. В прибалтийских республиках, за которыми следовала Белоруссия, доходы были выше среднего уровня, в Средней Азии, Азербайджане и на Кавказе – ниже. В Прибалтике и Белоруссии только 3–5% населения имели общий доход меньше 75 руб. в месяц, в России – 6%, тогда как в Средней Азии такой доход имели 37–57% населения²³. Хотя улучшение жизненного уровня с середины 1950-х гг. отмечалось во всех республиках, различие между экономически развитыми и отсталыми регионами усиливалось.

Уровень жизни в 1970–1980-е гг.

С 1950-х гг. в СССР наблюдался почти линейный рост зарплаты в среднем на 3–4% в год. При этом быстрее, чем в среднем по стране, росли доходы колхозников. Если в 1960-х гг. они получали менее трети зарплаты промышленных рабочих, то в 1980-е уже был достигнут уровень в две трети. Так как цены на большинство продуктов питания и промышленные потребительские товары долгое время оставались стабильными, а инфляция только с 1970-х гг. стала оказывать тормозящее воздействие на рост реальных доходов, повышение последних в значительной мере соответствовало росту номинального заработной платы. У промышленных рабочих рост доходов за 1960-е гг. составлял более 40%, за 1970-е – примерно 30% и за 1980-е – около 20%. Несмотря на довольно низкие заработки, существовал избыток покупательной способности из-за недостатка высококачественных товаров. Вследствие политики твердых цен товары первой необходимости стоили сравнительно дешево. Ниже, чем на Западе, была квартплата, стоимость коммунальных услуг и пользования общественным городским транспортом.

Повышение уровня жизни проявлялось в качественном улучшении потребления продуктов питания на душу населения (см. табл. 2) и в очевидном росте оснащенности домашнего хозяйства потребительскими товарами длительного пользования (см. табл. 3). С 1950-х гг. значительно повысилось прежде всего потребление продуктов животноводства, в то время как доля картофеля и зерновых в рационе питания обнаружила тенденцию к сокращению. Правда приведенные в таблице цифры преувеличивают реальное потребление. Это касается прежде всего мяса, потребление которого, вероятно, завышено примерно на 20%. Во всяком случае, соответствующая тенденция достоверно подтверждается. Из-за недостатка товаров длительного пользования возник повышенный спрос на мясо и другие продукты животноводства. В итоге, несмотря на отдельные фазы стагнации, потребление продуктов питания на душу населения росло до конца 1980-х гг.

В 1960-е гг. в оснащении домашнего хозяйства предметами длительного пользования произошел резкий скачок. Если в 1960 г. холодильники были еще почти неизвестны, то через десять лет они уже были в каждом втором доме. Телевизоров тоже стало значительно больше. Широко были распространены и швейные машинки, всегда пользовавшиеся спросом, потому что до 1970-х гг. готовая одежда была немодной и дорогой. Отложенный спрос существовал прежде всего на технически высококачественную продукцию. Цветные телевизоры, легковые автомобили и даже полностью автоматизированные стиральные машины в 1960-е гг. все еще были редкостью. Между оснащением домашнего хозяйства в городе и на селе также существовали отчетливые различия в пользу города.

Жилищные условия существенно ограничивали качество жизни советских граждан. Еще долго после окончания Второй мировой войны в городах преобладали коммунальные квартиры. Пределом мечтаний советского потребителя являлись отдельная квартира и личный автомобиль. Ранний возраст вступления в брак, – а только после этого в СССР можно было претендовать на отдельную квартиру, – объясняется жилищными условиями, так же как и высокий уровень разводов из-за жилищной неустроенности. Строившиеся со времен Хрущева квартиры были крайне тесными. Расширение масштабов жилищного строительства позволило постепенно поднять средний метраж жилой площади на душу населения, но и до сегодняшнего дня западный стандарт в этой сфере остается недостижимым. Только с 1970-х гг. началась заметная дифференциация жилищных условий, поскольку люди с хорошим заработком могли приобрести значительно более просторные кооперативные квартиры. Квартиры в новых домах были лучше оборудованы и, как правило, подключены к центральному теплоснабжению, в то время как жителям старых домов

**Годовое потребление продуктов питания
на душу населения в 1913–1990 гг. (кг.)***

	1913	1950	1960	1970	1980	1990
Хлебные продукты (в пересчете на муку)	200	172	164	149	138	133
Мясо и сало	29	26	40	47,5	58	67
Молоко и молочные продукты (в молоке)	154	172	240	307	314	358
Яйца (штук)	48	60	118	159	239	258
Рыба и рыбные продукты	6,7	7,0	9,9	15,4	17,6	16,5
Сахар	8,1	11,6	28,0	38,8	44,4	44,9
Картофель	114	241	143	130	109	100
Овощи и бахчевые	40	51	70	82	97	92
Фрукты и ягоды (без вина)	11	11	22	35	33	36

* Источники: Народное хозяйство СССР в 1922–1972 гг. С. 372; Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 140.

Таблица 3

**Предметы потребления длительного пользования
в 1960–1990 гг. (на 100 семей)***

Предметы потребления				в среднем	город	деревня
	1960	1970	1980	1990	1990	1990
Часы	286	411	518	574	632	449
Радиоприемные устройства	46	72	85	96	98	92
Телевизоры	8	51	85	107	109	102
в т.ч. цветного изображения	—	—	10	49	59	29
Фотоаппараты	18	27	31	33	42	15
Холодильники	4	32	86	92	101	81
Стиральные машины	4	52	70	75	79	67
Швейные машины	35	56	65	61	57	67
Пылесосы	3	12	29	48	58	26
Велосипеды и мопеды	39	50	49	59	47	87
Мотоциклы и мотороллеры	4	7	10	20	12	37
Легковые автомобили	—	2	10	19	19	20

* Источники: Народное хозяйство СССР в 1922–1972. С. 373; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 472; Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 142 и след.

даже в центре города, особенно в провинции, порой и до сих пор приходится носить воду из колодцев. Характерно, однако, что многие новостройки находились в городах-спутниках, так что обычным явлением стала занимающая много времени дорога до работы.

Правда, теснота городских квартир частично компенсировалась другими факторами. Так, значительная часть городских жителей имеет маленький садовый участок с домиком, где проводит выходные дни и отпуск. Наряду с функцией снабжения, выполняемой дачным хозяйством, следует подчеркнуть его значение в организации досуга и освобождении граждан от обычной государственной опеки. Хотя в СССР долгое время отсутствовало формальное законодательное положение о собственности, дача всегда могла наследоваться, так что многие городские рабочие и служащие, вопреки коммунистической идеологии, запрещавшей частную собственность, чувствовали себя "собственниками".

Таблица 4
 Структура доходов и расходов семей промышленных рабочих и колхозников в 1940–1990 гг. (в %)*

	Промышленные рабочие						Колхозники			
	1940	1960	1970 ²	1980	1990	1940	1960	1970	1980	1990
Совокупный доход	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Доход от колхоза	—	—	—	—	—	41,1	37,4	44,1	47,9	51,3
Зарплата членов семьи	77,1	81,5	81,2	80,4	80,2	6,0	9,1	9,2	10,5	9,7
Пенсии, стипендии, выплаты из общественных фондов	6,0	10,0	8,4	9,1	7,4	1,6	3,0	7,8	9,7	9,0
Доходы от личного подсобного хозяйства	9,9	1,7	4,4	3,5	3,1	50,0	45,4	35,1	27,5	25,6
Доход из других источников	7,0	6,4	6,0	7,0	9,3	1,3	5,1	3,8	4,4	4,4
Затраты семьи в % от совокупного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
На питание	58,1	41,3	40,1	35,9	29,9	69,7	56,4	44,4	39,1	32,4
На непродовольственные товары в т.ч.	15,1	26,0	27,8	30,3	34,5	16,5	25,9	29,9	31,1	29,2
одежда, обувь и т.п.	11,9	18,2	17,8	18,5	19,7	11,3	16,9	17,2	18,0	16,1
мебель, предметы личного потребления	1,9	6,4	6,1	6,5	7,9	1,1	3,7	4,5	4,6	4,5

Таблица 4 (продолжение)

	Промышленные рабочие							Колхозники			
	1940	1960	1970 ²	1980	1990	1940	1960	1970	1980	1990	
велосипеды, мотоциклы, легковые автомобили	-	-	0,6	1,7	1,7	-	-	0,9	2,7	2,1	
стройматериалы	-	0,7	0,5	0,5	-	0,3	3,0	3,1	2,1	-	
горючее/топливо	1,3	0,7	0,3	0,1	-	3,9	2,3	2,0	1,7	-	
На алкогольные напитки	2,4	4,2	3,8	3,6	3,3	2,5	3,5	4,9	4,9	3,9	
Культурно-бытовые услуги	6,4	8,5	7,6	7,3	6,6	1,5	4,2	2,6	2,9	3,0	
На оплату квартир, коммунальных услуг и содержание собственных домов	3,1	2,9	2,9	3,0	2,5	-	-	2,0	2,0	1,7	
Накопления семьи	5,0 ¹	2,1	4,5	5,6	8,8 ³	6,5 ¹	1,6	7,1	8,0	19,3 ³	
Налоги, сборы	4,5	8,3	8,3	9,1	9,7	1,4	2,3	1,4	1,6	1,7	
Прочие расходы	5,4	6,7	5,0	5,2	4,7	1,8	6,1	7,7	10,4	8,8	

¹ Принудительная подписка на государственный заем.

² Включая служащих.

³ Избыток покупательной способности.

* Источники: Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 444 и след.; Народное хозяйство СССР в 1988. С. 91 и след.; Народное хозяйство СССР в 1990. С. 113 и след.

Постепенное улучшение условий жизни отразилось также на бюджете семей рабочих и крестьян (см. табл. 4). Вынужденное самообеспечение продуктами питания из-за их недостатка в торговой сети выражалось в высокой доле "доходов от личного подсобного хозяйства". Структура расходов фиксирует низкий уровень жизни до середины 1950-х гг. Преобладающая часть доходов (а у колхозников даже две трети) должна была идти на продукты питания. На селе вплоть до 1960-х гг. оставались исключительно высокими расходы на дополнительную покупку продовольствия. С повышением уровня жизни особенно быстро росли расходы на непродовольственные товары, в первую очередь на потребительские товары длительного пользования. Потребление алкогольных напитков было удивительно высоким как среди колхозников, так и среди рабочих и служащих, поглощая 4–5% их расходов, в то время как общие затраты на оплату квартиры не превышали 3%.

Малообеспеченная часть населения с месячным совокупным доходом на члена семьи меньше 75 руб., к которой относилось около 12% населения (в этой группе преобладали пенсионеры и колхозники), даже в 1988 г., когда уровень жизни в СССР достиг высшей отметки, все еще должна была тратить 52% своего бюджета на продукты питания, тогда как доля сбережений, налогов и сборов составляла у нее менее 5%. Группа с доходами более 200 руб. в месяц (около 17% всего населения) тратила на питание только 28% расходной части своего бюджета, а сбережения, налоги и сборы у них составляли 22%²⁴.

Заметное расширение круга лиц, имеющих право на получение средств из фондов социального обеспечения, и значительное повышение минимального размера пенсий и пособий произошли только после Второй мировой войны. Тем самым существенно вырос трансферный (перераспределенный государством по социальным мотивам) доход от пенсий, стипендий и пособий. В 1956 г. пенсионное обеспечение рабочих и служащих было оформлено законодательно, а с 1966 г. пенсии по старости стали выплачиваться и членам колхозов. С 70-х гг. государственная пенсия являлась обычно достаточной для жизни. В зависимости от трудового стажа пенсии составляли до 70% заработка. Но из-за отсутствия перерасчета выгоду от их повышения имели только недавно ушедшие на пенсию, а средняя пенсия достигала лишь 40–45% средней зарплаты.

С расширением трансферных платежей произошел значительный сдвиг основного источника средств существования. Сократилась зависимость от других и число лиц, которые получали средства для жизни преимущественно от личного подсобного хозяйства. Общее число пенсионеров возросло с 4 млн. человек в 1941 г. до 21 млн. в 1960 г. и до 60 млн. в 1990 г.

Повышение уровня жизни отразилось также на увеличении ее продолжительности. В 1896–1897 гг. она составляла 32,3 года, в 1926–1927 гг. – 44,4 года и в 1964–1965 гг. достигла максимальной величины – 70,4 года. Затем произошло ее временное снижение, а резкий спад наступил с 1992 г. В 1993 г. продолжительность жизни составляла только 65,8 года²⁵.

Многие факторы, влияющие на качество жизни, в статистических данных не раскрываются. Так, приобретение товаров потребления было ограничено скорее их дефицитом, нежели ценой. Таких вожделенных предметов длительного пользования, как легковой автомобиль или квартира, людям приходилось ждать годами после предварительной записи. Другие товары можно было купить только в специальных магазинах с ограниченным доступом или за валюту. Относительно большая часть предлагавшихся товаров была низкого качества или вовсе непригодна к употреблению (брак). Раздражение потребителей вызывали поставки неисправной или поврежденной продукции и большие затраты на ремонт купленных вещей.

Исключительно высокие социальные гарантии имели и свою негативную сторону – государственную опеку от колыбели до могилы. В результате этого судьба человека порой была как бы запрограммирована. Выбор профессионального поприща и гарантия занятости были обеспечены уже с поступлением в среднее профессиональное или высшее учебное заведение.

Подрыв системы ориентации на потребление как результат низкой эффективности экономики

Кривая роста советской экономики с 1950-х гг. обнаруживала тенденцию к снижению. Колебаний конъюнктуры, равно как и инновационных сдвигов почти не наблюдалось. Реальный рост валового национального продукта в принятом в западной науке исчислении

снижался на 5–6% ежегодно в 1950-е гг., более чем на 5% – в 1960-е гг., на 3% – в 1970-е гг. и, наконец, упал до нуля в следующем десятилетии. Тем самым рост производительности труда значительного отставал от разработанного в конце 1950-х гг. плана, который предусматривал реализацию лозунга "Каждому – по потребностям". Не оправдались возлагавшиеся на экономическую реформу 1965 г. надежды повысить эффективность экономики, имитируя "рынок" с административно установленными ценами и центральным управлением.

В 1970-е гг. из-за страха партийного руководства потерять власть создалось сложное положение. Партия отказывалась выполнить требования экономистов продолжать намеченный путь реформ к настоящему формированию рыночных цен, поскольку боялась утратить влияние вследствие даже частичного переноса решений из политической сферы в экономическую. Но она не могла и свернуть предоставленные народу социальные выплаты, так как это привело бы к беспорядкам и тоже угрожало потерей власти. Установив определенные нормы потребления, правительство поставило себя под удар. В любое время можно было проверить, в какой мере его обещания были выполнены на практике. Поэтому вместо того, чтобы послужить стимулом для повышения производительности труда, эти нормы вызывали недовольство. Они стали злым роком для самого их инициатора: хотя ситуация с питанием явно улучшилась, снижение темпов экономического роста, отдаленных достижений "рациональной нормы" потребления, в начале 1960-х гг. вызвало волну протеста. Когда Хрущев отдал распоряжение об увеличении продажных цен на мясо на 30%, начались забастовки. В Новочеркасске они были кроваво подавлены. Как это ни покажется парадоксальным, население, которое при Сталине в течение десятилетий приучалось во многом себе отказывать, теперь не готово было терпеть даже замедление в росте жизненного уровня. Свержение Хрущева в 1964 г. было напрямую связано с разочарованием в нем народа. Именно этот общий настрой масс и позволил партийному аппарату выступить против Хрущева. Решение начать после неурожая 1963 г. импорт аграрной продукции для обеспечения населения мясом было принято под давлением этих обстоятельств. В начале 1970-х гг. импорт пришлось сильно расширить, и Россия, бывшая традиционным экспортером сельхозпродукции, окончательно превратилась в импортера продовольствия.

С прекращением хозяйственной реформы в начале 1970-х гг. не предпринималось дальнейших попыток повысить эффективность экономической системы. На практике это означало, что режим обрекал себя на медленное умирание, потому что обеспечение растущего уровня жизни, которым были куплены его легитимация и спокойствие население, зависело от повышения эффективности использования производственных факторов. Дальнейшее повышение уровня жизни становилось все более проблематичным. Гарантия удовлетворения основных потребностей бесплатно или по твердым ценам при растущих затратах на производство означала, что государство должно направлять все больше средств на дотации. В некоторых сферах (жилой фонд, общественный городской транспорт, коммунальные службы) возникшую проблему на время удалось скрыть, не финансируя текущий ремонт и эксплуатацию, так как средства вкладывались только в новое строительство. В сфере образования и здравоохранения качество обслуживания ухудшилось из-за низкой оплаты труда специалистов. В сфере продовольственной политики подобные увертки были невозможны. С 1960-х гг. утроились затраты на производство продовольствия и продолжало увеличиваться потребление на душу населения. Объемы дотаций для сохранения твердых цен на продукты питания из года в год возрастали, сокращая средства на инвестиции и тем самым снижая экономический рост.

Необходимо кратко остановиться на причинах этого "взрыва расходов". Постоянное повышение государственных закупочных цен на сельхозпродукты стало необходимостью, поскольку цены должны были покрывать расходы на заработную плату и производственные инвестиции, а способы давления на предприятия для снижения затрат отсутствовали. Возрастали как расходы на заработную плату, так и цены на производимые промышленностью средства производства. В отличие от Запада, в сельском хозяйстве СССР не происходило замены труда капиталом. Скорее, несмотря на растущую механизацию, фактор труда оставался постоянным. В наибольшей степени повышались производственные расходы на пользовавшиеся особым спросом продукты животноводства. Оказались ошибочными крупные проекты ирригации и мелиорации, которыми увлекалось партийное руководство, поглощавшие огромные средства. Достигнутый благодаря реализации данных проектов рост урожайности примерно на 1% в год оказался крайне низким, не говоря уже о значительных расходах в результате негативных экологических последствий. Поэтому, наряду с военно-промышленным комплексом, сельскохозяйственное произ-

водство должно рассматриваться как область, в которой советская экономическая система достигла своего предела. Становилось все сложнее финансировать даже поддержание прежнего объема производства, хотя советское население в значительной мере отождествляло свой уровень жизни с улучшением снабжения мясо-молочными продуктами. О том, насколько бессмысленно использовались партийным руководством предназначенные для аграрного сектора средства, свидетельствовало полное игнорирование им торговой сети и перерабатывающей промышленности. В конце концов из-за недостатков системы переработки и сбыта около трети сельхозпродукции терялось на пути к потребителю.

Период преобразований с 1985 г.

Понимание того, что проводимая политика не может продолжаться долго, утвердилось среди ведущих экономистов еще в конце 1970-х гг. При Горбачеве осознание необходимости реформ наконец-то достигло партийной верхушки. Начатые перемены, в конечном счете приведшие не только к крушению созданной Сталиным командной экономики, но и к развалу Советского Союза, в первое время базировались на идее сохранения социализма и смутных представлениях о переходе к расширенному рыночному хозяйству с передачей компетенции в принятии решений на уровень предприятий. Поначалу руководство страны питало надежды на дальнейшее повышение жизненного уровня, однако инфляционное давление роковым образом усиливалось. Предприятия использовали дарованную центром самостоятельность прежде всего для значительного повышения зарплаток. Так как цены в основном оставались стабильными, то из-за растущего спроса все больше товаров исчезало с прилавков. Скучного предложения товаров по твердым ценам было недостаточно, чтобы удовлетворить возросшую покупательную способность населения. Дефицитные товары все чаще становились объектом спекуляции. Недовольство населения нарастало и особенно усилилось после начала антиалкогольной кампании. В итоге с прилавков пропал сахар, необходимый для изготовления самогона. Отмечались также временные перебои в снабжении почти всеми продуктами питания и многими промышленными товарами.

В период реформ стало очевидно, что населению, в отличие от сталинской эпохи, есть, что терять, "кроме своих цепей". Правительство испугалось реформ, которые должны были нанести ущерб благосостоянию населения. Поэтому всеобщий отпуск цен блокировался. Нарушения в снабжении товарами первой необходимости затрагивали прежде всего социально незащищенные слои, так что число неимущих снова выросло. В начале 1992 г. началась "шоковая терапия" с отпуском потребительских цен. Но "шок" для населения продолжался только короткое время, потому что через несколько месяцев правительство приняло решение о масштабной индексации зарплат. Тем самым была утрачена возможность борьбы с инфляцией. Освобождение цен привело к резкому изменению структуры потребления. Спрос на продукты животноводства упал на 30–40%. В бюджете семей рабочих и служащих доля расходов на продукты питания опять подскочила до 40%, у колхозников – почти до 50%²⁶. Правда, освобождение цен вернуло на прилавки большинство товаров.

Влияние всех этих преобразований на уровень жизни ощущается вполне отчетливо, хотя встречающееся утверждение о полном обнищании народа и искажает действительное положение дел. Для большинства населения скорее изменилась стратегия выживания, чем положение в общественной пирамиде доходов. Без сомнения, имеет место значительная социальная дифференциация или даже поляризация. Наблюдаются резкие колебания в сфере социальной мобильности. Социальные последствия экономического упадка видны из демографических данных. Уровень рождаемости в России упал с 16,6 на 1000 человек (1985 г.) до 9,6 (1993 г.), уровень смертности вырос с 11 до 14,4 на 1000 человек²⁷. Впервые после Второй мировой войны наблюдается превышение смертности над рождаемостью. Как правило, хуже всего живется тем, кого уже и до этого можно было отнести к бедным: одиноким старикам и многодетным семьям из низшей по уровню доходов группы. Новыми в этой группе являются больные: медицинское обслуживание драматически ухудшилось, а медикаменты стали недоступными по цене. Часть среднего слоя общества, а также отдельные люди с высшим образованием и бывшие партийные функционеры "пролетаризировались" и в определенной мере опустились до агрессивного люмпен-пролетариата. Выплата заработной платы может задерживаться месяцами. Это особенно болезненно отражается на уровне жизни из-за высокой инфляции. Но очень многие с грехом пополам приспособились к новым условиям и в итоге понесли не столь значительные потери.

Сегодня люди берутся за различные занятия и используются все возможности заработать деньги в торговле, на посреднических операциях, на сдаче жилья внаем и т.д. Приобретение товаров для последующей продажи, которой занимаются многие группы населения, представляет собой верное средство против обнищания. Если этот вид мелкого бизнеса развивается неплохо, то не в последнюю очередь потому, что данная область теневой экономики никогда полностью не исчезала и в СССР, так как государственное хозяйство никогда не обходилось без организационных талантов, способных "доставать" вещи, которые невозможно было приобрести официальным путем.

С 1988 г. развивается частное предпринимательство, сначала замаскированное под разрешенную ранее форму "кооператива". Тем временем началась также приватизация на государственном уровне. Сегодняшний верхний слой общества получает намного более высокие доходы, чем бывшая советская элита, и открыто выставляет на показ свое богатство. Выручка поступает прежде всего от торговли и посредничества. Отчасти деньги зарабатываются на грани законности или откровенно криминальными махинациями. Многие лица, принадлежавшие к старой руководящей элите, благодаря занимаемым прежде влиятельным постам в экономике и госаппарате, совершили прыжок в новый верхний слой постсоветского общества.

Одним из важнейших социальных мероприятий правительства было предоставление горожанам небольших земельных участков. Около трети городских семей воспользовались этой возможностью и с 1900 г. получили участки земли. Благодаря этому общее число владельцев дачных участков возросло с 10 млн. в 1988 г. до 21,5 млн. в 1992²⁸. Таким образом, из приблизительно 30 млн. городских семей в России к настоящему моменту две трети имеют земельные участки. На многих из них построены дачи, нередко в несколько этажей. Значительную часть городского снабжения продовольствием составляет собственная продукция. В 1992 г. владельцы дачных участков собрали 25% общего по стране урожая картофеля, 28% овощей и 37% фруктов и ягод. Это означает, что россияне в значительной мере замкнулись в соседском кругу, на островках, которые пережили крушение государственных устоев. В итоге в локальных рамках расширилось натуральное теневое хозяйство, ставшее важным экономическим фактором, который, правда, часто не учитывается официальной статистикой. Для защиты собственности владельцы дачных участков обращаются к государству, причем даже открыто говорится о вооружении собственников для самозащиты. Строительная деятельность в окрестностях городов и даже в деревнях приняла удивительные размеры.

Однако даже после освобождения цен не может идти и речи о настоящем рыночном ценообразовании. Крах командной экономики пережили прежде всего монопольные структуры в промышленности и торговле, так что конкуренция и теперь едва заметна. Кроме того, "мафия" путем рэкета подчинила своей власти немалую часть производства и сбыта, что препятствует развитию конкуренции и рыночной экономики. Негативное влияние рэкета обостряется воздействием государственной налоговой политики, которая наносит ущерб прежде всего производственному сектору. Крайне медленно возникают мелкие производственные единицы и эффективная торговая сеть. Таким образом, путь к настоящему рыночному хозяйству еще долг, и едва ли в современной России сложились необходимые для этого институционные условия.

Заключение

Изменения уровня жизни в Советском Союзе были связаны прежде всего с политическими решениями. В то время как до революции и в 1920-е гг. рост уровня жизни зависел от экономического роста, с началом форсированной индустриализации при Сталине эта связь прекратилась. Несмотря на постоянный рост промышленного производства, до 1953 г. наблюдалась стагнация уровня жизни. Удовлетворение потребностей при "военном коммунизме" означало жить в бедности. В период нэпа партия продолжала настаивать на опасности социальной дифференциации. При Сталине официальная пропаганда пыталась заставить рабочих поверить в повышение уровня жизни, обращая к их готовности к самопожертвованию. Неэффективность административной командной экономики маскировалась усиленным сдерживанием потребления. Хрущев первым попытался реализовать на практике лозунг "От каждого – по способности, каждому – по потребности". Основные запросы населения с этого времени должны были удовлетворяться бесплатно или по низким ценам независимо от количества и качества работы, проделанной

человеком. Такая политика привела к существенному повышению уровня жизни. Хотя улучшение коснулось всех групп населения, бедность, тем не менее, не была уничтожена. Однако гарантия получения рабочего места и низкие цены на основные товары создали относительно высокий уровень социальной защищенности населения. Впрочем, подлинное удовлетворение потребностей стало реальностью только для узкого слоя элиты. От лозунга удовлетворения потребностей независимо от результатов труда скоро пришлось отказаться из-за недостаточной эффективности экономической системы. Не оправдалась надежда на то, что рост уровня жизни повысит стимул к работе и приведет к повышению производительности труда.

Попытка реформы экономической системы скоро натолкнулась на политически установленные границы. Партийное руководство боялось потерять часть своей власти, уступив право принятия решений рынку. Поэтому административное ценообразование было объявлено обязательной частью системы. Однако снижение социального обеспечения в рамках административной системы также угрожало власти партии из-за опасности недовольства населения. Даже поддержание сравнительно скромного уровня жизни превышало возможности централизованно управляемой экономической системы. Крах ее, наряду с другими причинами, был неизбежным следствием начатой Хрущевым ориентации на рост потребления. Оскудевающие государственные дотации на поддержку потребления, не зависящего от результатов работы, и неспособность создать стимул к труду стали роковыми для советской экономической системы.

Примечания

¹ Ср. предисловие к изданию: Karl Marx. Die Frühschriften. Landshut S. (Hrsg.), Stuttgart, 1968.

² См.: М а р к с К. Критика Готской программы // М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 19. С. 19–20.

³ См.: N ö t z o l d J. Wirtschaftspolitische Alternativen der Entwicklung Russlands in der Ära Witte und Stolypin. Berlin, 1966.

⁴ См.: G r e g o r y P.G. Russian National Income 1885–1913. Cambridge, 1982. P. 155–157; ср. также: G a t r e l l P. The Tsarist Economy. L., 1986. P. 29–47.

⁵ См.: G r e g o r y P.G. Russian Living Standards during the Industrialization Era 1885–1913 // Review of Income and Wealth. Vol. 26 (1980). P. 87–103; i d e m. Russian National Income. P. 55–152.

⁶ См.: M e r l St. Agrarreformen und nichtmarktwirtschaftliche Bedingungen – Agrarsektor und Industrialisierung in der Sowjetunion // Landwirtschaft und industrielle Entwicklung. Zur ökonomischen Bedeutung von Bauernbefreiung, Agrarreformen und Agrarrevolution. Toni Pierenkamper (Hrsg.), Stuttgart, 1989. S. 179–184.

⁷ В о н w e t s c h B. Die russische Revolution 1917: Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. Darmstadt, 1991. S. 88–94, 104–109.

⁸ Н а u m a n n H. Die russische Revolution und ihre ersten Versuche sozialistischer Wirtschaftspolitik. Materialien 1917–1921 // Argument 82 (1973). S. 768–803; i d e m. Einleitung zu Leo N. Kritzman. Die heroische Periode der grossen russischen Revolution. Reprint. Frankfurt am Main, 1971. S. V–XLIII.

⁹ М с A u l e y A. Bread without the Bourgeoisie // Party, State and Society in the Russian Civil War. Explorations in Social History. Bloomington, 1989. P. 167–173.

¹⁰ L e w i n M. The Disappearance of the Planning in the Plan // Slavic Review. 32 (1973). P. 271–287.

¹¹ См.: M e r l St. Der Agrarmarkt und die Neue Oekonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925–1928. München, Wien 1981. S. 86–140; см. также: О с о к и н а Е.А. За зеркальной дверью Торгсина // Отечественная история. 1995. № 2. С. 86–104.

¹² См.: M a t t h e w s M. Privilege in the Soviet Union. A Study of Elite Lifestyles under Communism. L., 1978. P. 59–90; S c h r ö d e r H. Arbeiterschaft, Wirtschaftsleitung und Parteibürokratie während der Neuen Oekonomischen Politik. Eine Sozialgeschichte der bolschewistischen Partei 1920–1928. Berlin, 1982. S. 274–389.

¹³ W e i s s e n b u r g e r U. Die Entwicklung von Realeinkommen und materielle Lage der Arbeiter und Angestellten in der Periode der Vorkriegsfünfjahrpläne (1928/29–1941). Manuskript. Bremen, 1981; S c h w a r z S. Arbeiterklasse und Arbeitspolitik in der Sowjetunion. Hamburg, 1953. S. 144–213.

¹⁴ Н u n t e r H. The Overambitious First Five-Year-Plan // Slavic Review. 32 (1973). P. 327–257.

¹⁵ М е р ь Шт. Голод 1932–1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 49–61.

¹⁶ M e r l St. Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems 1930–1941. Berlin, 1990. S. 104–181. (См. рецензию // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 157–160).

¹⁷ См. об этом: M e r l St. Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts – und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit // Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts – und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit. W. Fischer (Hrsg.). St. Katharinen, 1985. S. 175–229.

¹⁸ См.: M e r l St. Bauern unter Stalin. S. 320–326.

¹⁹ R u b a n M.E. u.a. Wandel der Arbeits- und Lebensbedingungen in der Sowjetunion 1955–1980. Planziele und Ergebnisse im Spiegel sozialer Indikatoren. Frankfurt am Main; N.Y., 1983. S. 198 и далее; П о л ь щ и - к о в А. Рост народного благосостояния // Коммунист. 1959. № 15. С. 76–86; К р ы л о в П. Некоторые вопросы методологии перспективного планирования повышения уровня жизни народа // Плановое хозяйство. 1960. № 8. С. 51–63.

²⁰ T e s k e n b e r g W. Die soziale Struktur der sowjetischen Arbeiterklasse im internationalen Vergleich. Auf dem Wege zur industrialisierten Standegesellschaft? München; Wien, 1977. S. 139–183.

²¹ M a t t h e w s M. Poverty in the Soviet Union. Lifestyles of the Underprivileged in Recent Years. L., 1986; M c A u l e y A. Economic Welfare in the Soviet Union. Poverty, Living Standards and Inequality. L., 1979. P. 70–98.

²² См.: M a t t h e w s M. Privilege in the Soviet Union. P. 36–58, 164–183; M c A u l e y A. Economic Welfare in the Soviet Union. P. 66–69.

²³ См.: Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. М., 1989. С. 94.

²⁴ Там же. С. 93.

²⁵ См.: Население СССР в 1987. Статистический сборник. М., 1988. С. 135 и далее; Народное хозяйство Российской Федерации в 1992. Статистический ежегодник. М., 1992. С. 119; Die Welt. 18.2.1994.

²⁶ См.: Российская Федерация в 1992 г. Статистический ежегодник. М., 1993. С. 162 и далее, 210.

²⁷ См.: Народное хозяйство Российской Федерации в 1992. С. 108; Российская Федерация в 1992 г. С. 111; Вестник статистики. 1993. № 11. С. 52.

²⁸ См.: Российская Федерация в 1992 г. С. 462.